

УДК 227:296.622

Апокалиптизм в жизни и учении апостола Павла: аспекты биографии*

А. А. Тодиев

Московская духовная академия, г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра

Аннотация. Рассматривается связь между личностью апостола Павла и иудейской межзаветной апокалиптикой в социально-идеологическом аспекте. Исследуется вопрос о соотношении апокалиптики и палестинского иудаизма эпохи Второго Храма, ярчайшим представителем которого являлось движение фарисеев. Доказывается, что в партии фарисеев апокалиптические элементы имели большое значение, поэтому апостол Павел в бытность свою фарисеем был знаком с апокалиптикой, что и связывало его с апокалиптизмом как социальным движением.

Ключевые слова: апостол Павел, эпоха Второго Храма, движение фарисеев, иудейская межзаветная апокалиптика, концепция «двух веков».

Павел-тарсянин, апостол Христов, является личностью, имеющей поистине колоссальное значение и для первоначального христианства, и для христианского богословия вообще. Можно упомянуть одно косвенное, но весьма показательное свидетельство такого его значения: западная библейская критика считала Павла чуть ли не основателем христианства как такового [22, р. 104]. Конечно же, если бы не было проповеди и служения Иисуса Христа, не было бы и христианства, не был бы и Павел христианином. Тем не менее гипотеза о Павле как «основателе» христианства указывает на то, что именно он, автор более чем половины книг Нового Завета, по справедливости был первым и наиболее самобытным «теоретиком» христианства, заложив первую систему христианского богословия. Следовательно, личность и труды апостола Павла должны быть предметом самого внимательного и усердного изучения каждого религиоведа, стремящегося глубже познать христианскую веру.

Апостол Павел, конечно же, не жил в культурно-идеологическом вакууме. В рамках данной статьи важно подчеркнуть, что он жил в то время, когда апокалиптизм был одной из важнейших составляющих иудейской религиозной мысли. Одна из главных проблем в изучении личности великого апостола Павла состоит в том, чтобы определить, в какой мере к нему может быть применен

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-04-00407а.

эпитет «апокалиптический». Большинство ученых единодушно в том, что Апостол испытал влияние апокалиптической эсхатологии, однако центральным остается вопрос о выяснении истоков апокалиптики Павла. Ответом на означенный вопрос определяются целевые рамки настоящего исследования.

М. Хенгель (M. Hengel) отмечал: «Знание Савла еврея является предпосылкой для понимания Павла христианина. Чем больше мы знаем о первом, тем яснее мы поймем последнего» [15, р. xiii]. Мнения о дохристианском апостоле Павле разнятся с точностью до противоположности. Например, Й. К. Бекер (J. C. Becker) пишет: «Павел был апокалиптическим фарисейским миссионером до своего обращения» [7, р. 144]. А. Ф. Сигал (A. F. Segal) добавляет: «Павел – отличный пример того, как могут апокалиптика и мистика феноменологически объединиться. <...> Основные темы, о которых Павел рассуждает, являются типично апокалиптическими» [21, р. 158].

Э. П. Сандерс (E. P. Sanders), наоборот, считает, что «традиции апокалиптизма оказали незначительное влияние на Павла; до своего обращения и призвания он не был апокалиптически настроенным. Данное предположение является еще одной причиной для того, чтобы отвергнуть идею о том, что Павел начал свою проповедь с предустановленного апокалиптического мировоззрения, подогнав Христа под него» [19, р. 543].

Савл, будущий апостол Павел, был иудеем грекоязычной диаспоры, переехавшим в Иерусалим, где он получил специальное законоведческое образование в школе, принадлежавшей партии фарисеев. Его учитель Гамалиил упоминается в Мишне, в цепи учителей в трактате «Пиркей Авот» (Авот. 1:16) [4, с. 29]. Им юный Савл, несомненно, был наставлен в правилах раввинистической герменевтики и часто прибегал к ним, уже будучи христианином. Свое образование книжника Апостол обнаруживает в образе толкования им Ветхого Завета. В его посланиях можно встретить немало примеров раввинистической экзегезы, как, например, первое герменевтическое правило равви Гиллеля «*qal wahomer*» (легкий и тяжелый) или аргумент «*a fortiori*». Принцип «*qal wahomer*» устанавливает отношение «от меньшего к большему» между двумя идеями, одна из которых более значима, чем другая. То есть то, что применимо к менее важной ситуации, применимо также и к более важной (2 Кор. 3:11: «Ибо, если <...>, тем более <...>»; см. также: Рим. 11:24; Евр. 2:2–4). Второе правило Гиллеля «*gezerah sawah*» (сопоставление двух сходных мест Писания) усматривается в Евр. 4:3–5. Суть правила в том, что вербальная аналогия между двумя фрагментами Священного Писания дает право интерпретировать оба фрагмента как продолжение понимания каждого в отдельности.

Р. Сантала усматривает влияние Гамалиила на апостола Павла еще в двух важных отношениях: во-первых, Гамалиил вел толерантную политику по отношению к язычникам. Они охватывались социальными программами милосердия и поддержки. По поручению Гамалиила иудеи в рассеянии принимали весьма активное участие в миссионерской работе среди язычников, продолжением которой стала христианская миссионерская деятельность Апостола среди язычников [3, с. 40].

Во-вторых, влияние Гамалиила на апостола Павла можно видеть в том, что он подчеркивал важность переписки при знакомстве и установлении отношений с кем-нибудь. Известно, что Гамалиил вел самую обширную для тех времен переписку. Подобное с уверенностью можно утверждать и о его знаменитом ученике [Там же, с. 40–41].

Точно известно, что апостол Павел был фарисеем. Перед судом прокуратора Феста и царя Агриппы он воззвал: «Я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению» (Деян. 26:5; см. также: Деян. 23:6; Фил. 3:5). В движении фарисеев апокалиптические элементы имели большое значение. По-видимому, они разделяли эсхатологический сценарий книги пророка Даниила, верили в воскресение мертвых и приход Мессии из рода Давида. Подробности их учений неизвестны, поскольку у фарисеев действовал запрет на письменную фиксацию их предания и до нас не дошло никаких первичных текстов, которые бы безошибочно выражали идеологию этого движения [17, р. 165]. Более того, древние раввины запрещали записывать свои постановления: «Тот, кто записывает слова галахот, сжигает Тору, а тот, кто заучивает их из записей, не получает награды» (Вавилонский Талмуд. Темура 14b) [13].

Собственно, один из основных содержательных признаков апокалиптики – эсхатологический дуализм «двух веков» – явно представлен в Мишне (см., напр.: Бер. 1:5; Санх. 10:1–4; Авот. 2:11; 4:1, 16–17; Там. 7:4), и есть все основания полагать, что это наследие предшествующей таннаям (эпоха раввинов-таннаев: I–II вв. н. э.) фарисейской традиции. Поэтому упоминание апостолом Павлом концепции «двух веков» вполне может являться развитием эсхатологического предания фарисеев. Здесь следует также учитывать, что в целом элементы эсхатологии раннего христианства были близки фарисейской традиции, поэтому для Савла его обращение ко Христу едва ли привело к радикальной смене эсхатологических представлений. Савл не отрекся от своей веры и не обрел другого Бога. Он никогда не сомневался в том, что сохранил верность Богу своих отцов, Богу Библии. Апостол свидетельствует перед прокуратором Феликсом: «Но в том признаюсь тебе, что по учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов *моих*, веруя всему, написанному в законе и пророках, имея надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают» (Деян. 24:14–15; см. также: Деян. 28:20). Это было призвание, подобное призванию древних пророков.

Известно, что фарисеи удачно совмещали два мнения: с одной стороны, они признавали абсолютно непререкаемый авторитет Библии, а с другой – считали, что библейские писания не в полноте отражают все разнообразие иудейских верований и обрядовых практик. Дж. Блох (J. Bloch) отмечает, что именно поэтому они могли заинтересоваться апокалиптикой как способом развить и фиксировать многоаспектность своего эсхатологического предания [8, р. 135]. Это положение доказывается тем фактом, что апокалиптические высказывания в ранних раввинистических текстах часто приписываются лицам, имеющим прямое или косвенное отношение к фарисеям [Ibid, р. 136].

В библейской науке вопрос о соотношении апокалиптики и палестинского иудаизма является сложным. Неоднократно делались попытки найти истоки апокалиптической эсхатологии в каком-либо движении в иудаизме II в. до н. э.

Например, М. Хенгель в своей фундаментальной монографии «Judaism and Hellenism» предложил классическую теорию происхождения апокалиптики в контексте столкновения с эллинизмом, гонениями и гражданской войной сер. II в. до н. э., а именно что апокалиптика как литературный жанр возникает в кругах асидеев (евр. *хасидим*: «благочестивые»; 1 Мак. 2:42; 7:13) в период маккавейских войн, и затем асидеи разделяются на два течения – ессеев и фарисеев [14, р. 176]. Однако сейчас признается, что научные знания об асидеях ограничены. Ф. Дэйвис (P. Davies) считает, что они являлись не настоящей сектой, как утверждал М. Хенгель [Ibid, р. 175], а просто группой благочестивых людей, поддержавших вначале освободительное движение Иуды Маккавея [10, р. 140]. С ним соглашается А. Дж. Салдарини (A. J. Saldarini), подчеркивая, что в целом мнение об асидеях как прямых предшественниках фарисеев остается труднодоказуемой гипотезой [18, р. 253].

Важно понимать, что на рубеже эр единой ортодоксальной иудейской эсхатологии не существовало. В палестинском иудаизме с первой пол. II в. до н. э. начинается процесс дробления на партии и течения, и, вероятно, с этим связан факт, что в дошедших до нас текстах представлено множество эсхатологических сценариев. Например, далеко не все из них придавали значение фигуре царя из рода Давида. Впрочем, апокалиптическая эсхатология не была ограничена партийными рамками и к I в. н. э. уже получила широкое распространение как в Палестине, так и в диаспоре.

В начале XX в. в религиоведении и библейской науке было широко распространено мнение, резко разграничивающее апокалиптическое движение как продукт широких необученных масс с учением книжников и фарисеев. По мнению Дж. Ф. Мура (G. F. Moore), апокалиптика являет собой изолированный феномен в иудаизме эпохи Второго Храма. Исследователь проводил четкое различие между учением последователей апокалиптической традиции и учением фарисеев. Его фундаментальная монография по истории иудаизма основывалась на предположении, что «традиционный» иудаизм первых веков христианской эры, иудаизм «эпохи таннаев», не включал в себя иудейскую апокалиптику. Исследователь подчеркивает, что «апокалиптическое течение не было нормативным для иудаизма» [16, р. 127]. Отечественный библеист Н. Н. Глубоковский считал, что апокалиптика есть творение не профессионального книжничества, а народного гения: «Апокалиптическая продуктивность была обязана болезненному влечению масс, томившихся духовным голодом, и есть плод фарисейского иудейства популярного, а не схоластического, почему служит отголоском больше народных мнений» [2, с. 828].

Однако вышеприведенное мнение в современной науке считается устаревшим. Характерные для учения фарисеев акценты на воскресении мертвых, жизни будущего века и ожидании Мессии затрудняют проведение четкого различия между этим учением и религиозными и политическими взглядами последователей апокалиптической традиции, хотя фарисеи были разочарованы во многих аспектах апокалиптической традиции после катастрофических последствий первого восстания против римлян (66–73 гг. н. э.). Еще в первой половине XX в. Дж. Бонсервен (J. Bonsirven) доказывал, что не было большого кон-

траста между идейным содержанием палестинской раввинистической письменности и апокалиптики того времени [9, р. 22]. Г. Й. Шепс (H. J. Schoeps) в продолжение этого мнения считал, что иудейские апокалиптические писания не были достоянием какой-нибудь секты или школы, но апокалиптика была органическим порождением религиозного мейнстрима иудейского общества периода Второго Храма [20, р. 41]. Но этот мейнстрим не был безликим: его представителями были преимущественно фарисеи. У. Д. Дэйвис (W. D. Davies) подчеркивает, что именно фарисейский иудаизм шаммаитского толка был главенствующим в I в. н. э. [11, р. 9]. Раввинистический же иудаизм стал верным продолжателем фарисейского течения [5, с. 107].

Следует отметить общее в эсхатологической доктрине фарисеев и апокалиптиков, чему можно найти свидетельства в Священном Писании Нового Завета. Во-первых, фарисеи делали акцент на учении о воскресении (см. Деян. 23:6–9; 24:15, 21). Данное учение, по мнению У. Д. Дэйвиса, возникнув в библейском богословии (см. Ис. 26:19; Дан. 12:2–3), развивается в иудейских апокалиптических кругах [12, р. 238]. Во-вторых, они учили о наследии «будущего века» как награде за их добродетельную жизнь. Здесь нужно иметь в виду, что собственно Моисеев Закон (напр. Втор. 28–30) возвещает награду за исполнение Закона и наказание за нарушение его только в этом мире. Ю. Бекер (J. Becker) отмечает, что, в отличие от саддукеев и ессеев, только фарисеи учили о награде в «будущем веке» за добросовестное исполнение предписаний Торы (Авот 2:7; 3:1) [6, р. 41–42]. Поэтому они заинтересованы узнать, когда, собственно, наступит будущий век и какие будут тому знамения. Надо полагать, антитетическая конструкция *olam hazze/olam habba*, несомненно, была знакома в фарисейском иудаизме. В-третьих, они ожидают Царя-Мессию, что хорошо видно в отрывке Ин. 1:19–25. Когда явился Иоанн Креститель, иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его, он ли Христос; при этом евангелист отмечает: «А посланные были из фарисеев» (Ин. 1:24).

Подытоживая, следует сказать, что нельзя отрицать разницу акцентов в фарисействе и апокалиптике, но утверждать, что между ними – большая пропасть, также не следует. Скорее всего, фарисеи были все апокалиптиками в смысле того, что фарисейство периода Второго Храма было пропитано апокалиптическими идеями. Только фанатизм, с которым этих идей придерживались, резко отличал фарисеев от апокалиптиков. Апостол Павел в бытность свою фарисеем был знаком с апокалиптикой, что и связывало его с апокалиптизмом как социальным движением. Обращение Савла на пути в Дамаск было одним из решающих событий человеческой истории. После него все радикально изменилось, поскольку Евангелие, которое он благовествовал, не было человеческим, ибо он принял его и научился не от человека, но «через откровение (греч. ἀποκάλυψις) Иисуса Христа» (Гал. 1:11–12). Откровение Иисуса Христа стало во главу угла. И вот здесь мы находим ответ на вопрос о степени влияния апокалиптического мировоззрения на христианство апостола Павла. В тактических целях, как миссионер, «став для всех всем» (1 Кор. 9:22), Апостол использует апокалиптику как удобную и всем известную форму. Но в привычные словесные формулировки он вкладывает новое содержание: в «глиняные сосуды» человеческого слова он влагает «сокровище веры» (2 Кор. 4:7).

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : РБО, 2000. – 1337 с.
2. *Глубоковский Н. Н.* Благовестие Св. Апостола Павла по его происхождению и существу : библио-богосл. исслед. Кн. 1 / Н. Н. Глубоковский. – СПб. : Тип. Монтвида, 1905. – 890 с.
3. *Сантала Р.* Апостол Павел, человек и учитель, в свете иудейских источников / Р. Сантала. – СПб. : Библия для всех, 2004. – 215 с.
4. Талмудические трактаты : Пиркей Авот. Авот де рабби Натан / под ред. Р. Кипервассера. – М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2011. – 326 с.
5. *Шиффман Л.* От текста к традиции. История иудаизма в эпоху Второго Храма и период Мишны и Талмуда / Л. Шиффман. – Иерусалим : Гешарим ; М. : Мосты культуры, 2002. – 275 с.
6. *Becker J.* Paul: Apostle to the gentiles / J. Becker. – Louisville : John Knox Press, 1993. – 481 p.
7. *Beker J. C.* Paul the Apostle. The triumph of God in life and thought / J. C. Beker. – Philadelphia : Fortress Press, 1980. – 450 p.
8. *Bloch J.* On the apocalyptic in judaism / J. Bloch. – Philadelphia : The Dropsie College for Hebrew and cognate learning, 1952. – 154 p.
9. *Bonsirven J.* Le judaisme palestinien au temps de Jesus-Christ. Vol. I : La theologie dogmatique – l'éschatologie / J. Bonsirven. – Paris : Beauchesne, 1934. – 553 p.
10. *Davies P.* Hasidim in the Maccabean period / P. Davies // Journal of jewish studies. – 1977. – Vol. 27 (2). – P. 127–140.
11. *Davies W. D.* Paul and Rabbinic Judaism: some rabbinic elements in Pauline Theology / W. D. Davies. – London : SPCK, 1965. – 392 p.
12. *Davies W. D.* Unsolved New Testament problems. The Jewish background of the teaching of Jesus: Apocalyptic and Pharisaism / W. D. Davies // The Expository Times. – 1948. – Vol. 59: June. – P. 233–240.
13. English Babylonian Talmud. Soncino [Electronic resource] // Halakhah.com : site. – URL: <http://www.halakhah.com/pdf/kodoshim/Tmurah.pdf> (mode of access: 14.09.2016).
14. *Hengel M.* Judaism and Hellenism. Studies in their encounter in Palestine during the early Hellenistic period. Vol. I–II / M. Hengel. – Philadelphia : Fortress Press, 1981. – 649 p.
15. *Hengel M.* The Pre-Christian Paul / M. Hengel. – London : SCM Press; Philadelphia : Trinity Press International, 1991. – 163 p.
16. *Moore G. F.* Judaism in the first centuries of the Christian Era: the Age of Tannaim / G. F. Moore. – Peabody : Hendrickson Publishers, 1997. – 486 p.
17. *Nickelsburg G. W. E.* Ancient judaism and Christian origins. Diversity, continuity and transformation / G. W. E. Nickelsburg. – Minneapolis : Fortress Press, 2003. – 264 p.
18. *Saldarini A. J.* Pharisees, Scribes and Sadducees in Palestinian Society. A Sociological Approach / A. J. Saldarini. – Grand Rapids : Wm. B. Eerdmans Publishing Company, 2001. – 325 p.
19. *Sanders E. P.* Paul and Palestinian Judaism. A Comparison of Patterns of Religion / E. P. Sanders. – London : SCM Press, 1977. – 620 p.
20. *Schoeps H. J.* Paul. The theology of the apostle in the light of jewish religious history / H. J. Schoeps. – London : Luterworth press, 1961. – 303 p.
21. *Segal A. F.* Paul the convert. The apostolate and apostasy of Saul the Pharisee / A. F. Segal. – New Haven : Yale University Press, 1990. – 368 p.
22. *Wrede W.* Paul / W. Wrede. – London : Philip Green, 1907. – 182 p.

Apocalypticism in the Life and Teaching of Paul the Apostle: Some Aspects of the Biography

A. A. Todiev

Moscow Theological Academy, Sergiev Posad

Abstract. The article discusses the relationship between the personality of Paul the Apostle and Jewish intertestamental apocalyptic writing in the socio-ideological aspect. Correlation between apocalyptic writing and the Palestinian Judaism of the Second Temple is studied, with the Pharisees being the most vivid example. Apocalyptic elements were of great importance among the Pharisees, so Paul the Apostle, as a Pharisee, could have been familiar with the apocalyptic tradition and involved in apocalypticism as a social movement.

Keywords: Paul the Apostle, the Second Temple, the Pharisees, Jewish intertestamental apocalyptic writing, “two ages” concept.

Тодиев Александр Александрович
кандидат богословия, старший
преподаватель, кафедра библеистики
Московская духовная академия
141300, Московская область, г. Сергиев
Посад, Троице-Сергиева лавра
тел.: 8(496)5415601
e-mail: al.todiev@ya.ru

Todiev Alexander Alexandrovich
Candidate of Sciences (Theology), Senior
Lecturer, Department of Bible Studies
Moscow Theological Academy
Trinity Lavra of St. Sergius, Sergiev Posad,
Moscow region, 141300
tel.: 8(496)5415601
e-mail: al.todiev@ya.ru